

Сверху донеслось приглушенное журчание воды. Се Сян вытер лицо и недоуменно нахмурился. Обычно Цзин Цэнь мылся в ванной комнате при своей спальне. С чего бы ему сегодня идти в ванную рядом с кабинетом на втором этаже? Хотя они и разделили виллу на два автономных уровня, за два года совместной жизни они успели досконально изучить привычки друг друга. Звукоизоляция в доме была отличной, но Се Сян, прошедший в свое время спецподготовку в семье Се, обладал феноменально чутким слухом — он улавливал малейший шорох. Поэтому он отчетливо слышал, как в ванной наверху включили душ. Вода лилась не переставая. Се Сян стер с глаз остатки пены и невольно взглянул на потолок. Увы, перекрытие надежно скрывало то, что происходило наверху, оставалось лишь слушать шум воды. Что за странности с Цзин Цэнем? Постояв немного, Се Сян прислонился к стене ванной, закурил и нахмурился, вспоминая странное поведение своего капризного соседа. Если бы он не был уверен, что днем разговаривал с настоящим Цзин Цэнем, то решил бы, что в того вселился призрак. Впрочем... брось. Откуда в обычной жизни столько призраков? Се Сян коротко хмыкнул, покачал головой и затушил сигарету.

Цзи Хуэй стоял под струями душа. Горячая вода стекала по его телу, но он не чувствовал ни малейшего тепла. Как и тогда, в деревне Миньшань, он не ощущал холода, так и теперь оставался равнодушен к жару. Впрочем, по старой человеческой привычке ему нравилось мыться, как раньше. Он поднял руку и безмолвно наблюдал, как вода струится по кончикам пальцев. Длинные ресницы, намокшие от брызг, плавно сомкнулись.

Неизвестно, сколько прошло времени. Лишь когда душ издал два коротких писка, Цзи Хуэй открыл глаза. Установленная в доме Цзин Цэня сантехника была оснащена умными датчиками: если вода включена долго, а движения не фиксируются, система подает сигнал, похожий на предупреждение о неисправности. К счастью, звук был тихим и почти сразу потонул в шуме воды. Цзи Хуэй дернул веком, глядя на подающую сигналы лейку, и приподнял бровь:

— Искусственный идиот.

Душ, разумеется, не понял, что его оскорбляет нечеловеческое существо, и продолжал мигать красным индикатором. Цзи Хуэй с досадой взял еще не распакованное полотенце и вытерся. Быстро ополоснувшись и проводив взглядом остатки геля для душа, уходящие в слив, он выключил воду. В комнате мгновенно воцарилась тишина, даже мигающий индикатор перестал подавать признаки жизни.

Цзи Хуэй вытирал волосы, размышляя о том, что в следующий раз обязательно заставит Цзин Цэня сменить этот душ на что-то более адекватное. В этот момент, вытирая голову, он невольно представил себе сюжет для фильма ужасов: посреди ночи в пустой комнате, где никого нет, вдруг раздается предупреждающий сигнал душа. Сама мысль показалась Цзи Хуэю такой забавной, что он не удержался от смеха. Он отложил фен, сотрясаясь от хохота. Но стоило ему, отсмеявшись, повернуть голову, как он внезапно заметил: ранка на подушечке пальца, которая уже почти затянулась, снова разошлась — возможно, из-за того, что он слишком широко улыбался. И из нее текла кровь.

Цзи Хуэй: ...Это что, закон подлости?

Он не знал, что рана на его пальце связана с другим человеком, и решил, что просто повредил кожу, когда смеялся. Поразмыслив немного и вспомнив, что у него есть дела, он небрежно вытер кровь, позволив ранке заживать дальше.

На другом конце города Цзян Юйхань как раз встал со своего места, когда внезапно почувствовал, как кожу обожгло жаром. Это ощущение распространилось от кончиков пальцев по всему телу, и в одно мгновение его неестественно бледная шея покраснела. Тело словно обдало кипятком, внезапно проступил жар. Это был уже не первый раз. Цзян Юйхань остановился. Сначала необъяснимый порез на пальце, теперь этот ожог — в последнее время его тело постоянно выдавало реакции, не имеющие к нему никакого отношения.

Цзян Юйхань опустил взгляд на красные следы на тыльной стороне ладони и слегка нахмурился. Это чувство не было ему чужим. Оно напомнило ему... тот момент, когда Цзи Хуэй попал в аварию, и он сам испытал ту же боль. Мужчина с холодными чертами лица смотрел на рану, его лицо помрачнело, а в холодных темно-синих глазах промелькнуло недоумение. Почему он снова вспомнил о Цзи Хуэе? Словно удивляясь самому себе, Цзян Юйхань сжал руку в кулак. Его эмоции были холодны от рождения, он никогда ни к чему не привязывался, и даже родственники не могли вызвать в его душе ни малейшей ряби. Все на свете делилось для него лишь на полезное и бесполезное. До тех пор, пока Цзи Хуэй не умер.

Цзи Хуэй был единственным, кто заставлял его вспоминать о себе, но Цзян Юйхань не считал его особенным. Тот юноша, носящий маску притворства, просто беззаботно дразнил его, и Цзян Юйхань был уверен, что это не вызовет в нем эмоциональных колебаний. Так оно и было. Однако после смерти Цзи Хуэя начались странности. В момент гибели Цзи Хуэя он ощутил, как у него самого будто ломаются кости. Как будто... его собственное тело болело вместе с Цзи Хуэем. Нелепая реакция. Цзян Юйхань посмотрел на красные следы на руке. Может, это из-за того, что несколько дней назад он приказал навести справки о гробнице Цзи Хуэя? Поэтому старые галлюцинации вернулись? Он нахмурился, но, подняв голову, снова обрел прежний холодный взгляд.

...Цзи Хуэй все еще был в фазе слабости и не мог уходить далеко. Но семья Цзи, живущая в том же городе, была вполне доступна. Прележав весь день, Цзи Хуэй решил, что вечером можно прогуляться и заодно заглянуть к Цзи, чтобы забрать кое-какие вещи. В конце концов, он отсутствовал уже три года. Отношения у Цзи Хуэя с семьей были неплохими, хотя он и не был родным ребенком главы дома. Его отец был братом главы семьи, и после их ранней гибели в автокатастрофе Цзи Хуэй остался на попечении дяди. У дяди и тети были свои родные дети, и хотя уход Цзи Хуэя их опечалил, за три года они наверняка успели смириться.

<http://bllate.org/book/19128/1878704>